

«ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ» СОФИИ ДУБНОВОЙ-ЭРЛИХ В АРХИВЕ М. ВОЛОШИНА

А. В. Лавров
(С.-Петербург)

Небольшой сборник стихов, о котором пойдет речь, Максимилиан Волошин получил от Михаила Львовича Винавера, с которым дружески общался в 1920-е годы. Это был, по словам Волошина, «человек высокой души и сердца, которому за последнее 10-летие принадлежит самая благородная и чистая роль» (Волошин 2015: 123).

Михаил (Михал) Львович Винавер (1880–1942?) родился в Варшаве, где проживал до 1911 г., после чего перебрался в Москву; получил высшее образование в Бельгии (инженер-технолог) и вплоть до 1918 г. работал в московских учреждениях по своей специальности. В 1918 г. Винавер стал одним из создателей Московского Политического Красного Креста и заместителем его председателя (вначале Н. К. Муравьева, затем Е. П. Пешковой); преемственной по отношению к этой организации стала ПОМПОЛИТ (Помощь политическим заключенным) во главе с Екатериной Павловной Пешковой, первой женой М. Горького; Винавер был ее бессменным заместителем в 1922–1938 гг., совмещая эту деятельность с работой в Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста (1920–1937)¹. В годы большевистского террора значимость их совместных самоотверженных усилий невозможно переоценить. М. Горький, упоминая о том, как Е. П. Пешкова «семь лет держалась на своем труднейшем посту», подчеркивал: «Нет в России тюрьмы, которую она не посетила бы, она и Винавер, святой еврей. Вдвоем они спасли не одну сотню людей» (Горький 2013: 109). Отстаивавший права политических заключенных, Винавер закономерным образом и

¹ Подробнее см.: Письма женщин и детей 2005: 433–435; Письма Винавера и Пешковой 2009: 142–145.

сам не избежал той же участи. После кратковременных арестов в 1919 и 1922 гг. третий арест оказался последним: 3 августа 1937 г. в Крыму – в деревне Козы Судакского района Крымской АССР, где в 1920-е годы он приобрел себе домик. Обвиненный в шпионаже в пользу Польши (в 1926 г. он принял польское гражданство), Винавер 29 июня 1939 г. был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. О последующей его судьбе имеются различные данные: по официальным сведениям, в начале 1942 г. освобожден из лагеря по амнистии как польский подданный и 29 сентября 1942 г. скончался; по другим сведениям, в 1943 г. по его просьбе направлен в польскую армию В. Андерса, формировавшуюся на территории СССР, и, заболев, умер в дороге.

Знакомство Винавера с Волошиным состоялось, по всей вероятности, осенью 1923 г. в Коктебеле, после чего они неоднократно общались там же и, видимо, во время пребывания Волошина в Москве в феврале – марте 1927 г. В летописи жизни и творчества М. А. Волошина, составленной В. П. Купченко, упоминаются (на основе регистрационных записей поэта) многочисленные его письма к Винаверу (некоторые – на оборотах акварелей), но ни одно из них не выявлено (скорее всего, погибли вместе со всеми бумагами после ареста); в архиве Волошина хранятся 14 писем Винавера к нему. Волошин писал Винаверу на протяжении ряда лет, обращался, в частности, с просьбами похлопотать о смягчении участи репрессированных друзей – С. Н. Дурьлина, Е. И. Васильевой, Б. А. Лемана, Д. Е. Жуковского, М. И. Долгополова, – а также о защите своего коктебельского дома от посягательств властей. За отсутствием других эпистолярных высказываний особенно выразительна дарительная надпись Волошина на его акварели (23 октября 1931 г.): «Дорогой Михаил Львович, я не могу выразить словами глубину моего восторга и уважения перед вашим делом во время Революции»².

2 сентября 1925 г. М. Л. Винавер сообщал Волошину из Москвы: «Возвращаясь из-за границы, я встретился в Варшаве со своим

² Собрание М. А. Лентуловой. Приведено в кн.: Купченко 2007: 502.

старым другом, Софией Дубновой, которая читала мне свои стихи. Избранные – я посылаю Вам. Рад бы получить от Вас отзыв о них. Она очень Вас ценит, как поэта, и Ваше мнение для нее очень важно. Если не затруднит Вас эта просьба – напишите по моему адресу: Москва, Фурманный пер., 18, кв. 14»³. К письму прилагалась переплетенная в тетрадку машинописная подборка Софии Дубновой под общим заглавием «Избранные стихотворения».

В ближайшие два месяца по получении стихов Волошин на их присылку никак не откликнулся, о чем можно судить по запросу В. Д. Финкельштейн в письме к М. С. Волошиной от 8 ноября 1925 г.: дошел ли до Волошина сборник Дубновой, отправленный «на отзыв» (Купченко 2007: 282). Но, видимо, и на это напоминание он не отреагировал: в письмах Винавера к Волошину имя Дубновой более не упоминается. Вероятно, поэт, как и во многих других аналогичных случаях, предпочел уклониться от возлагаемой на него ответственной миссии «рецензента».

Представляя Софию Дубнову как «старого друга», Винавер мог добавить: друга из Варшавы, его родного города. Она и ее муж, Генрих Моисеевич Эрлих (1882–1942), один из лидеров польского Бунда (еврейской социал-демократической партии) и редактор партийной ежедневной газеты «Фолькцайтунг», осенью 1918 г. уехали из Советской России в обретшую государственный суверенитет Польшу и обосновались в Варшаве; Винавер и Эрлих были знакомы еще до революции. О варшавских встречах с Винавером С. Дубнова-Эрлих рассказывает в своих мемуарах «Хлеб и маца»:

Раз в год доходил до меня живой голос моей родины: в середине декабря приезжал из Москвы на короткое время наш старый друг Михал Винавер. Приезжал он как представитель московского полуполигального Красного Креста. Практической целью приезда была операция обмена польских коммунистов, приговоренных судом к 15- или 10-летнему заключению, на соответствующее

³ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 342. Л. 1.

количество поляков, сидящих в советских тюрьмах или лагерях. Личным стимулом к ежегодной поездке было желание Михала повидаться с женой, вскоре после октябрьского переворота переселившейся в Варшаву <...> (Дубнова-Эрлих 1994: 222).

Приезжая, Михал привозил маленькие сборники не известных мне молодых авторов, театральные программы, афиши фильмов. Он охотно и воодушевленно рассказывал о литературных вечерах, о новых постановках, о переменах в быту, но менее охотно говорил о политике <...> (Там же: 223).

София Дубнова представлена несколькими стихотворениями в новейшей антологии «Сто поэтесс Серебряного века» (см.: Сто поэтесс Серебряного века 1996: 108–110), но в сборник аналогичного содержания, включающий минимальное количество имен, ее стихи едва ли вошли бы. Место Дубновой в ряду авторов, представляющих эпоху расцвета русской поэзии на рубеже XIX–XX веков, – самое скромное. Оно несопоставимо с тем местом в истории культуры того же времени, которое занимает ее отец Семен Маркович Дубнов (1860–1941) – историк еврейства, публицист, общественный деятель; один из основателей и руководителей Еврейского историко-этнографического общества, редактор журнала «Еврейская старина» (1909–1918) и один из редакторов «Еврейской энциклопедии» (1908–1913), автор монументальной «Всеобщей истории евреев» (Т. 1–3. СПб., 1904–1906), в расширенном виде опубликованной в 10 томах под заглавиями «Всемирная история еврейского народа» и «Новейшая история еврейского народа» (Рига, 1934–1938) (см.: Дубнова-Эрлих 1950). Направленность исследовательских интересов отца во многом определила самосознание Софии Дубновой, уже в семилетнем возрасте, по ее признанию, заявившей о себе: «Я – русская еврейка» – и на склоне лет резюмировавшей: «Этого ответа хватило на всю мою жизнь. Сочетание русского и еврейского начала было не механическим, а органическим» (Дубнова-Эрлих 1994: 134)⁴.

⁴ Общая биографическая справка о С. С. Дубновой-Эрлих содержится в статье: Тункина 2012: 527–528.

София Семеновна Дубнова (1885–1986) родилась в городке Мстиславле Минской губернии, детские и гимназические годы провела в Одессе, с осени 1906 г. обосновалась в Петербурге, где поступила на Высшие женские (Бестужевские) курсы, окончить которые ей не довелось – была отчислена за участие в студенческих протестах. Вовлеченность в политическую деятельность и тяготение к российскому революционному движению были характерными особенностями ее личности с ранних лет; в январе 1905 г. она вступила в Бунд и в последующую пору солидаризировалась с идеологическими установками этой партии. Стихи будущая поэтесса пыталась писать с раннего детства, в 1904 г. дебютировала в печати стихотворными переводами из Хаима-Нахмана Бялика⁵; в своих творческих устремлениях она нашла поддержку в лице Вл. Жаботинского. В 1909–1910 гг. начинающая поэтесса опубликовала (под псевдонимом С. Мстиславская) в журнале «Еврейский мир» несколько переводов из еврейских народных песен и из Иццока-Лейбуша Переца, тогда же ее оригинальные стихотворения появились в престижных петербургских изданиях – «Новом журнале для всех» (1910. № 19) и, через посредничество Н. Гумилева, в модернистском «Аполлоне» (1910. № 10). В начале 1911 г. вышел в свет сборник стихотворений Софии Дубновой «Осенняя свирель», а 10 сентября того же года состоялось ее бракосочетание с Генрихом Эрлихом, выпускником юридического факультета Петербургского университета. Последующие свои публикации она подписывала двойной фамилией: София Дубнова-Эрлих.

«Осенняя свирель» включает в себя 84 стихотворения, распределенных – в полном соответствии с композиционными параметрами, установленными в книгах символистских «мэтров», – по четырем разделам («I. Земля вечерняя», «II. Обреченные», «III. Осенняя любовь», «IV. Лики женщин»). Настойчивое стремление автора к воспроизведению знаковых и уже примелькавшихся признаков символистского идиостиля сочетается в книге с элементами лирической исповеди, которая, однако, растворяется

⁵ См.: Еврейская жизнь. 1904. № 7. С. 52–53.

в вариациях на заимствованные мотивы. Версификационное мастерство, продемонстрированное в «Осенней свирели», похвалил В. Брюсов: «Хорошую школу и умение работать обнаруживает г-жа Софья Дубнова», – добавив при этом: «...но стихи ее мало оригинальны» (Брюсов 1975: 369; впервые: Русская Мысль. 1911. № 7). Разумеется, он не мог не заметить вторичность нового поэтического голоса, прилежно разрабатывающего, наряду со многими другими, хотя бы его собственные урбанистические мотивы:

И город, злобно торжествуя,
Вновь звякнет пышностью оков,
И опояшет тьму ночную
Коварной цепью огоньков, –

И поплывут как прежде маски,
И снова ярк цвет румян,
И слепо равнодушны ласки,
И сонны взоры сквозь туман, –

И под гуденье ресторанов,
Под свист бичей в седой пыли,
Погаснет благовест туманов
С росистых папертей земли <...>

(«Прохожему». – Дубнова 1911: 16)

Развернутый отзыв об «Осенней свирели» опубликовал (под своим постоянным псевдонимом Altalena) давний друг и собеседник Дубновой Вл. Жаботинский. Критик констатирует в книге «явное и яркое присутствие поэтического дара», раскрывающего особенности женской души, двуединство девушки и женщины («Какой-то мост ведет от одной к другой, зыбкий, тонкий, неуловимый, и недоступный для постороннего глаза»), «связь женской души с звериной жизнью природы». «...все это хорошо, глубоко, нежно и чисто», – резюмирует Жаботинский, однако отображение подлинных переживаний и ощущений нарушено в книге, по его убеждению, «обидными диссонансами», «выкрутасами», «фокусами» – стремлением автора писать «по новой моде»: «...г-жа

Дубнова, при всей свежести и неподдельности своего дарования, по рукам и ногам спутана навыками новой моды»⁶.

Другие критики, входившие в круг приверженцев «новой моды», не были готовы замечать у Дубновой индивидуальные черты дарования и акцентировали внимание на сугубо книжном характере ее поэтических опытов. «Любовь к фразе, красивой и таинственной, к знаменательным, но бессодержательным намекам – вот главный недостаток г-жи Дубновой, – писал в рецензии на «Осеннюю свирель» В. М. Волькенштейн. – Она заимствовала у русских символистов внешние приемы, их поэтический лексикон; в ее стихах легко можно узнать романтические образы Блока, можно найти “миги” Брюсова и “меч” Сологуба, – но еще неясным намеком остается ее собственная поэтическая индивидуальность. Неточность и витиеватость языка чрезвычайно вредят ее стихам»⁷. Аналогичным образом расценил книгу Дубновой Сергей Городецкий, распознав в данном конкретном образчике массовое явление: «Этот современный поэтический язык, органически возникший у Вяч. Иванова, раннего Блока, Брюсова и отличающийся торжественностью, изысканностью, иногда пряностью, употребляющий обычные слова нашего быта только как особый поэтический эффект, принимает среди ученичествующих поэтов уже неприятный оттенок излишней литературности, какой-то кастовой обособленности»⁸. Городецкий предостерегает: «...нет ничего легче, чем впасть во власть внешне-красивой словесности», – а другой, анонимный, рецензент указывает на «магическое слово» «алый», изобилующее в стихах «Осенней свирели», и добавляет: «Прибавив сюда немного “тихovejности”, “струйности”, “сладостных безволий” и “небесных горений”, г-жа Д. легко получает звучные стихи, которые при снисходительном отношении к ним могут сойти и за поэзию»⁹.

⁶ Altalena. Старая мода и новая мода. – Одесские новости. 1911. № 8361. 6 марта. С. 3.

⁷ Современный Мир. 1911, март. № 3. С. 352.

⁸ Речь. 1911. № 64. 7 марта. С. 3.

⁹ Новый журнал для всех. 1911, март. № 29. Стб. 127. Ср. заметку Евг. Венского «Алая книга», в которой перечисляются десятки страниц в «Осенней свирели» с употреблением слова «алый» (Биржевые Ведомости. Веч. вып. 1911. № 12306. 5 мая. С. 3. Подпись: Евг. В.).

После выхода в свет «Осенней свирели» С. Дубнова-Эрлих долгое время не писала стихов, ощутив исчерпанность прежних вдохновений. В мемуарах она признается: «Иногда думалось, что я уже больше никогда не буду писать стихи. Одно я твердо знала: если начну снова писать, стихи будут иными и по духу, и по форме. <...> Анахронизмом стали смутные предчувствия, бормотания о “ком-то”, о “чем-то”, безответственность эпитетов» (Дубнова-Эрлих 1994: 158). Выступления ее в печати ограничивались главным образом некрологическими статьями о еврейских писателях – И.-Л. Переце и Шолом-Алейхеме¹⁰. Новый стимул для стихотворчества возник благодаря важнейшей перемене в жизни – материнству: первый сын, Александр, родился в 1912 г., второй, Виктор, – в 1914 г. (впоследствии Виктор Эрлих – видный американский филолог-славист, автор классического труда «Русский формализм: История и теория», изданного в США в 1981 г. и ныне переведенного на русский язык). «...То новое, что вошло в мою жизнь, – вспоминает София Дубнова, – требовало воплощения в стихотворной форме; так возник цикл “Мать” <...>. Я пыталась найти свои слова, чтобы передать и спокойствие, и тревогу материнства – чувства, которые только на первый взгляд противоречат одно другому. Писать просто было нелегко: я ведь привыкла к изощренности символизма» (Дубнова-Эрлих 1994: 161). На смену воображаемым мирам «Осенней свирели», женским образам метерлинковской Мелсанды и Моны Лизы, Арианы и Аспазии приходят восприятия и переживания, укорененные в личном душевном опыте, в житейской прозе, раскрывающей свою поэтическую доминанту:

Младший сын мой дремлет в белом зное,
Старший рвет фиалки у дороги.
Знаю – в кубке, налитом весною,
Отстоитя темный хмель тревоги.

¹⁰ См.: Дубнова-Эрлих С. 1) Л. Перец. – Голос жизни. 1915. № 19. 6 мая. С. 3–5; 2) Странник-чудодей (К годовщине смерти Переца). – Новый Путь: Еженедельник, посвященный вопросам еврейской жизни. 1916. № 13/14. 24 апреля. Стб. 53–54; 3) Памяти Шолом-Алейхема. – Там же. 1916. № 17. 15 мая. Стб. 3–6.

Вы возьмете кровь мою и силу
И уйдете – каждый к присужденной.
Ведь и я душою опаленной
Вешнее богатство расточила.

Все равно мне – сердце не тоскует,
Для любви ни граней нет, ни цели.
Старший сын мой пыль цветов целует,
Младший дремлет в зыбкой колыбели.

(Дубнова-Эрлих 1994: 239)

Известный писатель и собиратель еврейского фольклора С. Анский (С. А. Раппопорт) высоко оценил стихи «материнского» цикла и рекомендовал их напечатать в редактировавшемся М. Горьким журнале «Летопись», где они и появились в 1916 г. (три стихотворения – в № 3, еще три – в № 12)¹¹, позднее пять стихотворений были изданы отдельной книжкой¹². Новизна и неожиданность их заключалась в раскрытии психологии материнства как сложного комплекса душевных и физиологических переживаний, с акцентированием «природных», натуралистических аспектов деторождения; несколько лет спустя аналогичный подход к этой теме продемонстрирует Мария Шкапская в стихотворном сборнике „Mater Dolorosa” (1921).

В расширенном составе цикл «Мать» вошел в машинописную подборку стихотворений С. Дубновой-Эрлих, присланную М. Л. Винавером Волошину. Помимо этого цикла, в «Избранные стихотворения» вошли два раздела, содержащие тексты эмигрантского периода, в том числе затрагивающие тему современной России и революции в авторской трактовке, близкой стихам Волошина об «усобице». В трактовке, которая, по убеждению Дубновой, объединяла Волошина и Винавера. «На его глазах в России

¹¹ См.: Коростелев 2015: 106–108. Впоследствии Дубнова опубликовала очерк «Из воспоминаний о Горьком» в эмигрантском журнале «Новоселье» (1945. № 21. С. 46–53).

¹² Издание осуществлено в Петрограде артелью художников «Сегодня»: Дубнова С. Мать. <1918>. В библиотеке Пушкинского Дома сохранился экземпляр книжки с дарительной надписью: «Отцу моих детей. 24 февр. 1918 г. Петербург» (1938 б / 1390).

начинался террор, – пишет она о Винавере в своем мемуарном повествовании, – но он заставлял себя видеть то, что внушало надежды на будущее. В этом он был не одинок: его друг и крымский сосед <...> Макс Волошин тоже любил свою страну проклинаящей и благословляющей любовью, он сказал об этом в стихах» (Дубнова-Эрлих 1994: 223).

Писать стихи С. Дубнова-Эрлих не прекращала до глубокой старости, но лишь от случая к случаю, иногда выступала с ними в эмигрантских изданиях¹³; итоговый ее сборник «Стихи разных лет», выпущенный в свет нью-йоркским издательством «Уолдон Пресс» в 1973 г., – брошюра в 44 страницы. По объему с ним вполне сопоставима подборка «Избранные стихотворения», переданная М. Л. Винаверу.

Ниже сборник «Избранные стихотворения» публикуется по машинописному тексту, хранящемуся в архиве Волошина в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург) в подборке писем М. Л. Винавера к Волошину (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 342. Л. 2–28).

В цикле «Мать» не приводятся открывающие его стихотворения «Кормлю ребенка на крыльце...» (1916), «Младший сын мой дремлет в белом зное...» (1916; оно воспроизведено выше), а также стихотворения (после стихотворения «Если б дочь у меня была...») «Страшная сила – в горестном зове...» (1917), «Лишь жестокий безгневен ныне...» (1916), «Девушка, роди дитя...» (1914). Они напечатаны в указанной выше книге «Хлеб и маца» (см.: Дубнова-Эрлих 1994: 238–240) по тексту сборника: Дубнова-Эрлих 1973; ранее публиковались в журнале «Летопись» (1916. № 3, 12) и в сборнике С. Дубновой «Мать».

Второе стихотворение диптиха «Чужбина» («Голубеющие котловины...») вошло в «Стихи разных лет», перепечатано в кн. «Хлеб и маца» (см.: Дубнова-Эрлих 1994: 184).

¹³ См.: Новоселье (Нью-Йорк). 1943. № 4/5; 1944. №№ 12/13, 16, 17/18; 1945. №№ 19, 22/23; 1948. № 37/38; Эстафета: Сб. стихов русских зарубежных поэтов / Ред. И. Яссен, В. Андреев, Ю. Терапиано. Париж: «Дом книги», <1948>. С. 38–39.

София Дубнова
Избранные стихотворения

МАТЬ

Если б дочь у меня была,
Я б качала ее на коленях...
Расцветания снов весенних
Ты отдашь, как я отдала.

Сквозь огонь пройдешь ты и кровь
И опять воскреснешь – в ребенке...
И подснежников лепет звонкий
Отцветая, услышишь вновь.

Все мы жизнь сжигаем дотла,
И над пеплом плачем украдкой...
Мне бы грустно было и сладко,
Если б дочь у меня была.

1915.

Ты девушкой стала, родив ребенка,
Ты вновь хрупка и нежна.
Твой сын смеется и плачет звонко,
И в смехе его – весна.
Одежды белой сомкнулись складки,
Тоска былая чужда.
Синий ночник у детской кровати
Цветет в тиши, как звезда.
И ты улыбнешься в рассвет зардевший,
Над сыном лицо клоня:
«Ведь он, так властно мною владевший,
Опять не знает меня»...

1914.

Родила – и вышла в люди,
Подвязав сыночка платком.
Осторожно носила груди,
Отягченные молоком.

И не знала больше печали,
Объятий не жаждала вновь.
Упрямые губки сосали
Живую, теплую кровь.

Над зыбкой пела незвонко –
Налитой до краев сосуд.
Смуглые ладошки ребенка
Чудеснее всяких чуд.

И узнала, что кровь кипела
Сокровенно так и светло –
Лишь затем, чтоб хрупкое тело
Из раскрытых недр изошло.

1919.

Перерезали пуповину,
Но как встарь – ты в крови.
Из глубин сокровенных выну ль
Содроганья твои?

Все забудется: грусти пламя,
Крестный путь, вешний бред.
Только крик твой первый, упрямый
Вечен в сердце, как свет.

С каждым днем неистовой нежность,
Как огонь на ветру.
Если ж сам ты себя отрежешь,
Тогда умру.

1921.

А ведь мог быть маленький, кудрявенький,
Глазки – синие цветы...
Прыгал бы козленочком по травоньке...
– Так зачем же ты?

Знаю – стало жаль цыганской волюшки,
Пестрого житья...
Испугалась подневольной долюшки,
Бедная моя...

Вечно кровь за новой лаской гонится,
А душа пуста...
Но тогда лишь мир к тебе наклонится
Чашею к устам,
Если перед богом с бровью гневною –
Грозно-благодным отцом,
Вознесешь ребенка – радость чревную –
Нежным деревцом.

1924.

БАЛЛАДА

Эти руки, цепкие и странные,
На груди – клеймо –
Были точно знаки, кем-то данные,
Чтоб поверить: мой.

Промеж пьяниц поступью неслышною
Ты прошла – к судьбе.
Этот смуглый, с бровью неподвижною
Сына даст тебе.

А теперь – волченка синеокого
Кормишь у крыльца.
Под ресницей детской – зыбь далекая,
Взявшая отца.

1925.

РОССИЯ

Родина обреченная,
От тебя не уйти.
Всюду темным вихрем спаленная,
Ты стоишь на пути.

Наши души глухие, стертые –
Но твоя ли в них тьма?
Разве можем мы быть не мертвые,
Если труп ты сама?

Знаю – сгинем лодочки утлые,
В ошалелых зыбях...
Только как нам, родная, жуткая,
Как нам быть без тебя?

1920.

ЗА СТЕНОЙ

Выстрел вонзился остро и звонко
В утренний мрак немой.
Может быть, там убили ребенка,
Ласкового, как мой.

Камнем застыну, без слез, без крика,
Не разжимая губ.
Может быть, мать там корчится дико,
Вся посинев, как труп.
Стены, все стены кругом глухие,
Тупо молчат дома.
Может быть, вся ты, моя Россия,
Трупом стала сама.

Ноябрь 1917.

ЧУЖБИНА

I.

Чужая весна не в радость,
Червь бессильное сердце точит...
Там, над Летним, пустынным садом
Встанут скоро белые ночи.

Ах, далекое первое мая.
Мост, взгудевший весенним народом.
Нева, Нева золотая
Под рвущимся ледоходом.

Сквозистые на солнце обломки
Уносились в пене и брызгах...
Лед беспомощный был и ломкий,
Как свобода твоя, отчизна...
Варшава. 1920.

II.

Голубеющие котловины,
Горные тропы витые,
Заслоните сны мои равнинные,
Сны о далекой России.

Здесь выси лучисто-строги,
И воздух – подарок божий...
Русь, зачем мне твои убогие,
Окровавленные бездорожья?

Все выше ветер веселый.
Ведет в ущелья глухие...
Но висишь ты сумою тяжелой
За плечами моими, Россия...

В Татрах. 1920.

Ш.

Резвясь, следите с широкой палубы
Спокойный бег корабля.
Гляжу, мертвея, без слез, без жалоб,
Как никнет моя земля.

Вам – все родное, все – шум и всплески,
Звонящий сон наяву.
А мне б и мертвой лежать на Смоленском,
В сыром Петербургском рву.

Там желтый вечер василеостровский
Небесные жжет края.
Там бьется ветер, жадный и жесткий,
Такой, как тоска моя.

Балтийское побережье. 1923.

ГОРЬКИЙ ХМЕЛЬ

Темным жаждам подвластное тело
Обезумел – так что ж?
Ведь лишь дрожи ответной хотела
Закипевшая дрожь.

Не услышишь, прильнув ко мне грудью
И в бреду не дыша,
Как о жаркие, жесткие прутья
Вольно бьется душа.

А на утро – для взора загадка –
(Божий дар – слепота)
Эта новая горькая складка
У потухшего рта.

1924.

Каждая встанет колосом спелым
Так, как велел ей рок.
Каждая ляжет покорным телом
В знойную пыль дорог.

Каждая в тех же муках уронит
Тот же безвестный плод.
Каждая душу свою схоронит
Раньше, чем плоть умрет.

Хмель и похмелье, мимо и мимо,
В старость, в небытие...
Господи, где же – неповторимое,
Только мое?

1924.

Дни мои – безликие, стертые,
Без зари...
Хочешь взять меня полумертвую –
Так бери.

Только жаль мне тебя, усталого
В шумах дня,
Что такого требуешь малого
От меня.

Скорлупу обнимаешь тленную –
Без зерна.
Где ж душа моя, птица пленная,
Где она?

Глянь, – летит в безвестное зарево,
Вся дрожа.
У родимого никнет замертво
Рубежа.

1924.

Не удержит ни уют, ни прялка,
Ни альков наш, ни очаг.
Даль зовет – всходить на мостик валкий
С милой ношей на плечах.
Вот вся жизнь. Дрожащий сумрак клена,
Запах прели, дождь в лицо,
Да в ночи вокруг шеи утомленной
Ручек ласковых кольцо.

1925.

В подворотнях и в пышных отелях, –
Лишь сгустится вечерняя мгла –
На продажных, на брачных постелях
Сцепы тел, без лица, без числа.

Та иль эта – в чаду не отметишь:
В омут, вниз, в ошалелую дрожь...
Даже если единую встретишь,
На привычное дно повлечешь.

И все те же смыканья объятий...
Смерть ли, нега ли? Гроб иль альков?
Тот же страх ненавистных зачатий
В утомленности женских зрачков.

Что глядишь ты, создатель печальный?
Мир бесплоден, скудна его кровь.
Так сотри ж над хмельными ночами
Устарелую надпись: любовь.

1925.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Брюсов В. 1975. Собр. соч.: В 7-ми тт. Т. 6: Статьи и рецензии 1893–1924. «Далекие и близкие». М.: Художественная литература.
- Волошин М. 2015. [Письмо к К. Ф. Богаевскому от 17 сентября 1929 г.]. – Волошин М. Собр. соч.: [В 13-ти тт.] Т. 13, кн. 2: Письма 1929–1932. М.: Азбуковник. С. 123.
- Горький М. 2013. [Письмо к С. В. Познеру от 8 августа 1926 г.]. – Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24-х тт. Т. 16: Письма (март 1926 – июль 1927). М.: Наука. С. 108–109.
- Дубнова С. 1911. Осенняя свирель: Стихи. СПб.: Сатирикон.
- Дубнова-Эрлих С. 1950. Жизнь и творчество С. М. Дубнова. Нью-Йорк: Комитет имени С. М. Дубнова.
- Дубнова-Эрлих С. 1973. Стихи разных лет. Нью-Йорк: [Б. и.].
- Дубнова-Эрлих С. 1994. Хлеб и маца: Воспоминания. Стихи разных лет / Подготовка текста, комментарии, послесловие Т. В. Ланиной. СПб.: Максима.
- Коростелев С. Г. 2015. Журнал «Летопись» (1915–1917) и газета «Новая жизнь» (1917–1918) в историко-культурном контексте. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Купченко В. 2007. Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб.; Симферополь: Алетейя; Сонет.
- Письма Винавера и Пешковой 2009. «Наш спор с Вами решит жизнь»: Письма М. Л. Винавера и Е. П. Пешковой к Е. Д. Кусковой. 1923–1936 / Сост., предисловие и комментарии Л. А. Должанской. Научный редактор И. В. Чубыкин. М.: АСТ: Восток-Запад.
- Письма женщин и детей 2005. «Дорогая Екатерина Павловна...»: Письма женщин и детей. Письма в их защиту. 1920–1936. По документам фондов: «Московский Политический Красный Крест», «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» / Сост. Л. Должанская, И. Осипова. Научный ред. Я. Леонтьев. СПб.: Журнал «Звезда».
- Сто поэтесс Серебряного века 1996. Сто поэтесс Серебряного века: Антология / Сост. и авторы биографических статей М. Л. Гаспаров, О. Б. Кушлина, Т. Л. Никольская. СПб.: Фонд русской поэзии.
- Тункина И. В. 2012. К «потаенной» биографии И. М. Тронского (Троцкого): Родственный контекст. Часть I: Корни. Троцкие – Фрейдлины – Дубновы. – *Varietas delectans*: Сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева. СПб.: Нестор-История. С. 510–538.

REFERENCES

- Briusov, V. *Sobranie sochinenii*. 7 vols. Vol. 6, *Stat'i i retsenzii 1893–1924*. “Dalekie i blizkie.” Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1975.
- “Dorogaia Ekaterina Pavlovna...”: *Pis'ma zhenshchin i detei. Pis'ma v ikh zashchitu. 1920–1936. Po dokumentam fondov “Moskovskii Politicheskii Krasnyi Krest,” “E. P. Peshkova. Pomoshch' politicheskim zakliuchennym.”* Edited by L. Dolzhanskaia, I. Osipova, and Ia. Leont'ev. Saint Petersburg: Zhurnal “Zvezda,” 2005.
- Dubnova, S. *Oseniaia svirel': Stikhi*. Saint Petersburg: Satyricon, 1911.
- Dubnova-Erlikh, S. *Zhizn' i tvorchestvo S. M. Dubnova*. New York: Komitet imeni S. M. Dubnova, 1950.
- . *Stikhi raznykh let*. New York: n. p., 1973.
- . *Khleb i matsa: Vospominaniia. Stikhi raznykh let*. Edited and annotated by T. V. Lanina. Saint Petersburg: Maxima, 1994.
- Gor'kii, M. “[Letter to S. V. Pozner from August 8, 1926].” In *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma*. 24 vols. Vol. 16, *Pis'ma (mart 1926 – iul' 1927)*, 108–09. Moscow: Nauka, 2013.
- Korostelev, S. G. *Zhurnal ‘Letopis’ (1915–1917) i gazeta ‘Novaia zhizn’ (1917–1918) v istoriko-kul'turnom kontekste*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2015.
- Kupchenko, V. *Trudy i dni Maksimiliana Voloshina: Letopis' zhizni i tvorchestva. 1917–1932*. Saint Petersburg and Sympheropolis: Aletheia; Sonet, 2007.
- “Nash spor s Vami reshit zhizn'”: *Pis'ma M. L. Vinavera i E. P. Peshkovoii k E. D. Kuskovoii. 1923–1936*. Prefaced, edited and annotated by L. A. Dolzhanskaia, and I. V. Chubykin. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2009.
- Sto poetess Serebrianogo veka: Antologiya*. Edited by M. L. Gasparov, O. B. Kushlina, and T. L. Nikol'skaia. Saint Petersburg: Fond russkoi poezii, 1996.
- Tunkina, I. V. “K ‘potaennoi’ biografii I. M. Tronskogo (Trotskogo): Rodstvennyi kontekst. Chast' I: Kornii. Trotskie – Freidliny – Dubnovy.” In *Varietas delectans: Sbornik statei k 70-letiiu Nikolaia Leonidovicha Sukhacheva*, 510–38. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2012.
- Voloshin, M. “Letter to K. F. Bogaevskii from September 17, 1929.” In *Sobranie sochinenii*. 13 vols. Vol. 13. Pt. 2, *Pis'ma 1929–1932*, 123. Moscow: Azbukovnik, 2015.